

Братислава

При анализѣ братиславскаго Согласованнаго заявленія отъ 9 ноября 2006 прежде всего встають вопросы общаго характера. Насколько умѣстно выражать надежду на возможность въ будущемъ соединенія православныхъ и лютеранъ въ единое церковное Тѣло (пунктъ 9), когда лютеранскія церкви введеніемъ женскаго «священства», благословеніемъ однополыхъ «браковъ» и т.п. катастрофически далеко отходятъ отъ христіанскаго преданія, въ томъ числѣ и отъ своей собственной традиціи, порождая въ своей средѣ серьезные расколы (Миссурійскій Синодъ въ С.Ш.А., неримиримо противостоящій мѣстнымъ «прогрессивнымъ» лютеранамъ и Всемирной лютеранской федераціи). Насколько представительны лютеранскіе члены Смѣшанной комиссіи? Хорошо извѣстно, что туда назначаютъ спеціалистовъ по Православію, иногда отчасти даже съ нимъ сроднившихся и во всякомъ случаѣ старающихся представлять старую лютеранскую ортодоксію. Но насколько такая позиція репрезентативна для современнаго лютеранскаго епископата, пастората, теологической профессуры и множества прихожанъ? И совсѣмъ ужъ риторическій вопросъ: будетъ ли Согласованное заявленіе имѣть хоть какой-то доктринальный авторитетъ, хоть какую-то формальную обязательность въ ситуаціи нынѣшняго протестантскаго безбрежнаго либерализма?

Въ то же время одобреніе Священнымъ Синодомъ нашей Церкви братиславскаго документа придадо бы ему доктринальный авторитетъ и формальную обязательность для чадъ нашей Церкви. Достоинъ ли документъ такого авторитета? Выражаетъ ли онъ ученіе Православной Церкви или частныя богословскія мнѣнія православныхъ участниковъ діалога? И насколько вообще возможна общность Православія и лютеранства въ вопросѣ о Святейшемъ Таинствѣ Евхаристіи?

Лютеранство, въ отличіе отъ цвинглианства и кальвинизма съ его многочисленными вѣтвями, отказалось отъ чисто символическаго пониманія Евхаристіи.

Въ спорѣ съ Цвингли Лютеръ упрямо твердилъ: *Nos est Corpus Meum*, требуя буквальнаго пониманія установительныхъ словъ. Но это вовсе не значить, что онъ «вернулся къ вѣрѣ древней Церкви» или хотя бы сохранилъ средневѣковое католическое ученіе о Евхаристіи. Онъ изобрѣлъ новое ученіе, извѣстное какъ теорія импанаціи (*évoctiōis*). Какъ гласить его Малый катехизисъ, «мы принимаемъ въ, съ и подъ благословеннымъ хлѣбомъ и виномъ Тѣло и Кровь Иисуса Христа, не просто силою (*der Kraft nach*), но истинно и существенно (*wesentlich*) [...]. Хлѣбъ и вино не измѣняются (*warden nicht... verwandelt*) въ Тѣло и Кровь Христовы, но и не суть простые знаки (*Zeichen*) отсутствующаго Тѣла и Крови Христовыхъ, но Тѣло и Кровь Христовы нѣкимъ таинственнѣйшимъ образомъ (*auf eine geheimnißvolle Weise*), однако истинно и

существенно соединены (sind... verbunden) съ хлѣбомъ и виномъ и подъ ними (unter ihnen) присутствуютъ (gegenwärtig) и въ нихъ и съ ними предлагаются и вкушаются (Dr. Martin Luthers Kleiner Katechismus..., 2-es Heft, Moskwa 1846, S. 161-162, §§ 393-394).

Лютеранскіе участники Діалога достойно исполнили свой долгъ. Въ Братиславскій документъ вошли чисто лютеранскія формулировки: «хлѣбъ и вино, соединяемые съ Тѣломъ и Кровью Христа черезъ анамнезисъ и измѣняемые черезъ союзъ съ превознесеннымъ и обоженнымъ человѣчествомъ Христа...» (§ 2 с.). «Какъ въ христологіи двѣ природы соединены впостасно, такъ въ Евхаристіи прославленное человѣческое Тѣло Христа и «вмѣстообразная» хлѣбы и вина сакраментально соединены...». «Хлѣбъ и вино не утрачиваютъ своей сущности (physis)» (§ 4, в., с.) Въ нѣкоторыхъ фразахъ, однако, этотъ «союзъ» означаетъ всего лишь присутствіе благодати, каковую редукцію отвергалъ даже и Лютеръ (bloß der Kraft nach – см. выше): «Этотъ союзъ означаетъ общеніе обоживающихъ свойствъ человѣчества Христа и обоживающей благодати Его Божества съ евхаристическими дарами» (§ 4 в.). Причемъ всѣ процитированныя формулы представлены въ документѣ какъ общее мнѣніе православныхъ и лютеранъ.

Можно ли этотъ евхаристическій дуализмъ, «вохлѣбленіе» и «сосуществованіе» приписывать православному богословію? Можно ли древніе литургическіе термины - μεταβολή и др. – истолковывать въ смыслѣ вышереченнаго «союза»? Дѣйствительно ли въ μεταβολή не происходитъ измѣненія сущности и природы?

Въ Исх. 7, 17 и 20 μεταβάλλειν означаетъ преложеніе воды въ кровь. Въ Новомъ Завѣтѣ слово это употреблено лишь единожды и имѣетъ значеніе полного субъективнаго измѣненія: «Они ожидали, что онъ упадетъ мертвымъ; но... видя, что не случилось съ нимъ никакой бѣды, перемѣнили мысли (μεταβαλλόμενοι) и говорили, что онъ Богъ» (Дѣян. 28, 6). Такое же значеніе это слово имѣетъ въ патристикѣ. «Они поклоняются Ираклу какъ преложившемуся (μεταβληθέντα) изъ человѣка въ бога» (Оригенъ, PG 14, 468 A); «человѣкъ никогда не преложится ни въ ангельскій, ни въ иной образъ» (сщмч. Меѳодій, PG 18, 277C); «въ Канѣ Галил.] сущность (οὐσία) водъ преложилась (μεταβαλοῦσα) въ вино» (свт. Афанасій Великій, О воплощеніи, PG 25, 128 D). Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ два греческихъ слова даютъ точнѣйшій эквивалентъ позднѣйшаго μεταουσίωσις – пресуществленіе.

Теперь посмотримъ святоотеческія высказыванія о самой Евхаристіи. Свт. Кириллъ Іерусалимскій проводитъ аналогію между евхаристическимъ преложеніемъ и чудомъ въ Канѣ. Въ Евхаристіи остаются лишь физическіе признаки хлѣба и вина: «Онъ въ Канѣ Галилейской нѣкогда воду претворилъ (μεταβέβληκεν) въ вино, сходное съ кровію; и недостойнъ ли вѣры, когда вино въ кровь претворяетъ? ...Во образѣ (ἐν τῷμορ) хлѣба дается тебѣ тѣло, а во образѣ вина дается тебѣ кровь... Не по вкусу разсуждай о вещи, но отъ вѣры будь извѣстенъ безъ сомнѣнія, что ты сподобился тѣла и крови Христовыхъ...

Видимый (φαινόμενος) хлѣбъ не есть хлѣбъ, хотя вкусомъ чувствуется, но тѣло Христово, и видимое вино не есть вино, хотя по вкусу такъ представляется, но кровь Христова... Не тѣлесному вкусу давайте судить о семъ, но вѣрѣ несумнѣнной. Ибо вкушающимъ, не хлѣбъ и вино вкушать повелѣвается, но противуобразное (ἀντιτύπου), тѣло и кровь Христову...» (Творенія, М. 1900, с. 329-339). Относительно слова ἀντιτύπου замѣтимъ, что впоследствии имъ называли только евхаристическіе виды до освященія, но этого суженія значенія еще не было въ IV в., напримѣръ преподобный Макарій Великій: «въ церкви приносятся хлѣбъ и вино вмѣстообразныя Его плоти и крови, и причащающіеся кажущагося (φαινόμενου) хлѣба, духовно вкушаютъ плоть Господню» (Бесѣда 27, 17: Духовныя бесѣды. СТСЛ 1904, с. 216; PG 34, 705 B).

Во многихъ мѣстахъ своихъ твореній съ потрясающимъ реализмомъ говорить о Евхаристіи свт. Іоаннъ Златоустъ: «Когда уготована таинственная трапеза, когда закаляется за тебя Агнецъ Божій, когда за тебя подвизается священникъ... духовный огонь снисходитъ съ неба, отъ пречистаго ребра изливается въ чашу кровь въ твое очищеніе... Не полагай, что это хлѣбъ, и не думай, что вино... не думайте, будто вы принимаете божественное тѣло отъ человѣка, а представляйте, что вы принимаете божественное тѣло какъ бы огонь изъ клещей самихъ серафимовъ... спасительную же кровь станемъ принимать какъ бы касаясь устами божественнаго и пречистаго ребра» (т. 2, 389). О томъ, что хлѣбъ и вино въ причащеніи – только видимость, учить и свт. Кириллъ Александрійскій: «...Нужно было Ему чрезъ Святаго Духа въ насъ боголѣпно сраствориться нѣкоторымъ образомъ съ нашими тѣлами Святою Плотію Своею и Честною Кровію, которая мы и получили въ животворящее благословеніе словно [ὡς] въ хлѣбѣ и винѣ, чтобы мы не оцѣпенѣли [ἀποσκηθισμεν], видя Плоть и Кровь предлежащими на святыхъ престолахъ въ церквахъ. Ибо Богъ, соразмѣряясь съ нашими немощами, посылаетъ въ предлежащіе силу жизни и измѣняетъ ихъ къ дѣйствию Своей жизни» (In Matth. PG 72, 452 почти буквально повторено въ In Luc., ib. 912). По слову святителя, для несторіанъ, раздѣляющихъ единаго Христа, причащеніе – нисколько не пользующая «антропофагія» (PG 76, 192-193.)

Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ: «[—] если Самъ Богъ Слово, восхотѣвъ, сталъ человѣкомъ и изъ чистыхъ и безпорочныхъ кровей святой Приснодѣвы безсѣменно осуществилъ для Себя плоть, то развѣ Онъ не можетъ сдѣлать хлѣбъ Своимъ тѣломъ и вино и воду – Своею кровью? [—] И теперь ты спрашиваешь, какимъ образомъ хлѣбъ дѣлается тѣломъ Христовымъ, а вино и вода – кровью Христовою! Говорю тебѣ и я: Духъ Святой приходитъ и дѣлаетъ это, что превосходитъ слово и мысль. А хлѣбъ и вино берутся потому, что Богъ знаетъ человѣческую немощь, ибо въ большинствѣ случаевъ она съ негодованіемъ отвращается отъ того, что не вошло въ привычку. [—] Тѣло поистинѣ соединилось съ божествомъ, тѣло отъ святой Дѣвы, не потому, что вознесшееся тѣло нисходитъ съ неба, но потому, что сами хлѣбъ и вино измѣняются въ тѣло и кровь Бога. [—] Какъ хлѣбъ черезъ съѣденіе и вино и

вода черезъ выпиваніе естественнымъ образомъ измѣняются въ тѣло и кровь того, кто ѣсть и пьетъ, и не дѣлаются другимъ тѣломъ по сравненію съ прежнимъ его тѣломъ; такъ и хлѣбъ предложенія и вино и вода черезъ призываніе и пришествіе Святого Духа сверхъестественно претворяются въ тѣло Христово и кровь, не суть два, но одно и то же. Хлѣбъ и вино не есть образъ тѣла и крови Христа (да не будетъ!), но само обоженное тѣло Господа [...] Примемъ въ себя тѣло Распятаго! [...] Мы вступаемъ въ общеніе со Христомъ и дѣлаемся причастны и плоти Его, и божеству; а также черезъ него общаемся и соединяемся другъ съ другомъ» (Творенія. Источникъ знанія. М., 2002, с. 301-305). «Причастимся тельца упитаннаго, приобщимся Агнца пасхальнаго, наполнимся новаго винограда рожденія, вкушая плоть Божию изъ хлѣба (ἐκ σίτου) и кровь Божию изъ вина (ἐξ οἴνου) истинно призываніемъ (τῆ ἐπικλήσει) и неизреченно претворяемую (μεταμορφωθενον)» (Слово на Великую Субботу, PG 96, 637 С). Претвореніе изъ хлѣба и вина значить, что они перестаютъ быть хлѣбомъ и виномъ.

Споръ о святыхъ иконахъ имѣлъ важной составляющей тему Святой Евхаристіи. Иконоборцы объявили единственнымъ истиннымъ образомъ Христовымъ евхаристическія Тѣло и Кровь, полагая, что истинный образъ долженъ быть тождественъ первообразу. Иконопочитатели, напротивъ, утверждали принципиальную нетождественность образа прототипу. Святитель Никифоръ Исповѣдникъ указываетъ, что въ началѣ Литургіи есть различіе образа и первообраза: хлѣбъ и вино суть противоположная (ἀντίτοπα) Тѣла и Крови Христовыхъ. Но «хлѣбъ и вино въ Евхаристіи преестественно призываніемъ священнодѣйствующаго и наитіемъ Святого Духа претворяются въ тѣло и кровь Христову. [...] И мы уже не считаемъ ихъ двумя, но вѣруемъ, что они становятся однимъ и тѣмъ же» (Творенія, Минскъ, 2001, с. 439). Хлѣбъ и вино въ претвореніи стали тѣмъ, что они изображали, и перестали быть хлѣбомъ и виномъ, аналогично съ тѣмъ, какъ «хлѣбъ, вино и вода превращаются въ плоть и кровь ѣдщаго и пьющаго, причемъ мы не говоримъ, что наше тѣло становится инымъ по сравненію съ прежнимъ» (тамъ же).

Эти мысли повторяетъ богословъ-исихастъ Николай Кавасила въ Изъясненіи Божественной Литургіи. Описывая Проскомидію, онъ указываетъ что агнецъ уготавливается во образъ Тѣла Христова. Но въ моментъ Эпиклезы образъ становится реальностью: «дары освятились, и жертва [θυσία] совершилась и великое Пожертвое [θυσία] и Священножертвенное [ιερείον], закланное за міръ, видимо возлежитъ на священномъ престолѣ. Хлѣбъ Господня Тѣла уже болѣе не образъ, не даръ, несущій изображеніе истиннаго дара или имѣющій въ себѣ нѣкое начертаніе, словно на доскѣ, спасительныхъ страданій, но самъ истинный Даръ, само всесвятое Тѣло Владыки, воистину пріившее всѣ тѣ поруганія, оскорбленія, раны, распятое, закланное, мученически «засвидѣтельствовавшее предъ Понтіемъ Пилатомъ доброе исповѣданіе» (1 Тим., 6, 13), заушенное, бичеванное, претерпѣвшее оплеванія,

желчи вкушившее. Подобно и вино – Сама Кровь, истекшая при закланіи Тѣла» (PG 150, 425).

Тема Евхаристіи была въ центрѣ антилатинской полемики. Если ученіе о Filioque затрагивало богослововъ, Литургія имѣла отношеніе ко всякому христіанину. Важная тема Эпиклезы заняла подобающее мѣсто лишь къ концу византійской исторіи. Но съ IX в. и до Флорентійскаго собора включительно доминировала тема опрѣсноковъ. И всѣ византійскія сочиненія на эту тему говорятъ о томъ, что квасной хлѣбъ берется не самъ по себѣ, но какъ болѣе соответственный образъ того Тѣла, въ которое онъ долженъ предложиться. Это «живой, одушевленный» образъ Тѣла Христова, который изъ «вмѣстообразнаго» становится самымъ Тѣломъ Христовымъ. Классическое выраженіе этого ученія даетъ фрагментъ, приписанный свт. Афанасію Великому: «Евангелисты говорятъ, что хлѣбъ совершенный предалъ Господь въ святыхъ тайнахъ, а не опрѣснокъ, дабы увѣрить, что совершенное тѣло отъ Святой Дѣвы, т.е. одушевленное и умное, а не какъ еретикъ Аполлинарій говорилъ, что Онъ воспринялъ одно тѣло, но мы совершеннымъ хлѣбомъ называемъ состоящій изъ муки, закваски и соли, какъ и духовный – [изъ] тѣла и ума. Ибо тѣло безъ духа мертво, и опрѣснокъ, не имѣющій закваски – мертвый, а не живой хлѣбъ. Поскольку закваска даетъ жизнь и соединеніе тѣсту, словно духъ тѣлу и соль уму. И посему мы совершаемъ таинство на хлѣбѣ совершенномъ, чтобы не впасть въ хулу нечестиваго Аполлинарія» (PG 26, 1328).

Таково согласное ученіе святыхъ отцовъ. Святоотеческія высказыванія о Евхаристіи или даютъ именно это ученіе, или недостаточно опредѣленны, чтобы на ихъ основаніи можно было бы конструировать какое-то иное ученіе. Только два мѣста во всей патристикѣ противорѣчатъ согласному ученію святыхъ отцовъ. Феодоритъ Кирскій въ своемъ «Эранистѣ» приписываетъ своимъ оппонентамъ «монофизитамъ» ученіе о претвореніи во Христѣ челоуѣчества въ Божество, причемъ «эранистѣ» подтверждаетъ это аналогіей съ Евхаристіей, где хлѣбъ и вино прелагаются (μεταβάλλεται) въ Тѣло и Кровь. «Православный» возражаетъ на это, что «послѣ освященія мистическіе символы не исходятъ изъ своей природы» и сущности (PG 83, 168). Это сочиненіе Феодорита явно направлено противъ свт. Кирилла Александрійскаго и потому подпадаетъ анасемѣ V Вселенскаго Собора. Близко примыкаетъ къ цитированному пассажи псевдо-Златоустово посланіе монаху Кесарію, которое несомнѣнно принадлежитъ времени ожесточенныхъ христологическихъ споровъ, скорѣе всего, времени и кругу Феодорита, а можетъ быть, и ему самому. У греческихъ отцовъ евхаристическіе пассажи этого посланія не вызвали отклика, они ихъ не цитировали, и отъ посланія сохранились только отрывки чисто христологическаго содержанія, а полностью оно извѣстно лишь въ латинскомъ переводѣ. Хотя принято возводить ученіе Лютера о Евхаристіи къ гетеродоксальнымъ западнымъ теоріямъ, нельзя исключить и возможность прямого на него вліянія Феодорита и автора посланія къ Кесарію. Во всякомъ случаѣ, уровень западной эрудиціи XVI в. допускаетъ такую возможность.

Надо сказать нѣсколько словъ и о терминѣ пресуществленіе (μετουσίωσις). Обычно безапелляціонно утверждается, что этотъ терминъ проникъ на востокъ въ ходѣ «латинскаго плѣненія». На самомъ дѣлѣ это слово мы находимъ уже въ VI в., у виднѣйшаго «схоласта»-аристотелика Леонтія Іерусалимскаго. Въ контекстѣ Евхаристіи греки впервые употребили это слово въ подписанномъ Михаиломъ Палеологомъ уніональномъ документѣ 1274 г. И хотя сама Ліонская Унія вызвала со стороны православныхъ грековъ шквалъ полемики, «пресуществленіе» никто не оспаривалъ, поскольку не усматривалось въ этомъ понятіи ничего чуждаго Православію. А въ XV в. патріархъ Геннадій Схоларій уже широко пользовался этимъ терминомъ. Впослѣдствіи съ возникновеніемъ протестантизма терминъ пресуществленіе сталъ необходимъ для огражденія Православія отъ протестантскихъ вліяній, которыя начали проникать и на Востокъ. Протестантствующіе (патр. Кириллъ Лукарисъ, у насъ архіеп. Феофанъ Прокоповичъ) пресуществленіе отвергали. Православные – свт. Петръ Могила, патр. Досифей Іерусалимскій, свт. Димитрій Ростовскій, свт. Филаретъ Московскій, митр. Макарій (Булгаковъ) и многіе другіе утверждали ученіе о пресуществленіи, которое вошло и въ наше Учительное Извѣстіе. О пресуществленіи имѣли сужденіе и Соборы – напр., Іерусалимскій 1672 г., Константинопольскій 1691 г. На основаніи дѣяній послѣдняго, переведенныхъ на славянскій, Патріархъ Адрианъ составилъ Посланіе. Когда въ 1716-1725 гг. черезъ посредство Русской Церкви шли переговоры неприсягнувшихъ англичанъ съ восточными патріархами, эти послѣдніе направили въ Англію Исповѣданіе патр. Досифея, которое они объявили единственно возможнымъ условіемъ церковнаго соединенія. Патріархъ Досифей также училъ о пресуществленіи.

Отверженіе ученія о пресуществленіи, такимъ образомъ, серьезно повреждаетъ Православную Вѣру и, кромѣ того, компрометируетъ Православную Церковь, которая, оказываясь, могла долгіе вѣка исповѣдовать искаженное ученіе подъ западными вліяніями.

Одобреніе Синодомъ Братиславскаго документа не приведетъ къ реальному сближенію съ лютеранами, но можетъ вызвать вполнѣ реальные споры, противостоянія и даже раздѣленія среди православныхъ.